

✦ БОГИ и ВОИНЫ ✦

КНИГА 5

БРОНЗОВЫЙ ВОИН

От автора мирового бестселлера «Брат мой Волк»!

МИШЕЛЬ ПЕЙВЕР

Мишель Пейвер

Бронзовый воин

Серия «Боги и воины», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68346901

Боги и воины. Книга 5: Бронзовый воин: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.;

2022

ISBN 978-5-389-21983-0

Аннотация

После долгих странствий Гилас наконец возвращается в родную Акию вместе с Пиррой. Здесь им предстоит объединиться с повстанцами и вступить в решающую битву с Воронами. Но без кинжала Короносов врага не победить. Гилас и Пирра пытаются вернуть кинжал, но тут Гилас впервые нападает на след своей сестры Исси, пропавшей два года назад. Ему предстоит сделать трудный выбор, от которого зависит судьба всей Акии, и цена победы может оказаться слишком высока.

Впервые на русском!

Содержание

1	8
2	19
3	32
4	47
5	53
6	63
7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Мишель Пейвер

Бронзовый воин

Michelle Paver

Warrior Bronze

Text copyright © Michelle Paver, 2016

Artwork copyright © Puffin Books, 2016

First published as Warrior Bronze in 2016 by Puffin which is part of the Penguin Random House group of companies

All rights reserved

© А. Д. Осипова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2022

Издательство АЗБУКА®

МИР БОГОВ И ГЕРОЕВ

КАРТА АКЦИИ

I

Гилас налег на весла. Берег Мессении все ближе. Они отплыли под покровом темноты, но вот ветер развеял облака, выглянула Луна, и теперь от нее светло, как днем.

Мальчик оглянулся через плечо. Лицо у Пирры бледное и напряженное, а за ее спиной высится скалистый мыс, до

которого им нужно добраться. Слева туманные болота, справа темные скалы. Наверху Гилас разглядел алые костры дозорных. На фоне пламени мелькают черные силуэты воинов. По коже мальчика побежали мурашки. Кажется, будто вражеские стрелы вот-вот вонзятся в спину!

Сердце Гиласа бешено колотится от каждого плеска весел, от каждой крошечной волны, накатывающей на борт. Ночью звуки разносятся дальше, особенно на воде. Вороны же не глухие.

Но даже если они ничего не услышат, рано или поздно заметят весельную лодчонку. На серебристой морской глади она бросается в глаза, будто черный листок, а на нем жмутся друг к другу мальчик, девочка с дремлющей на ее плече соколихой и львица, которую очень сильно укачало.

Разбойница сидит перед Гиласом. Дышит бедняжка шумно, и вид у нее несчастный. С морды свисают слюни, бока тяжело вздымаются. Некоторое время назад львицу вывернуло прямо на Гиласа. Теперь от туники исходит неприятный запах, и сидящая позади Пирра старается дышать через рот.

Вот львица устремила исполненный тоски взгляд на прохладную черную воду. Только бы ей не пришлось в голову нырнуть в Море, чтобы поплавать! Такой громкий всплеск воины на скале уж точно услышат.

Тут Разбойница вскочила. Лодку качнуло так, что она едва не перевернулась.

– Разбойница, не дергайся! – прошипела Пирра.

– Сидеть! – шепотом отдал команду Гилас, отчаянно пытаясь усадить львицу и одновременно удержать одной рукой оба весла. Но Разбойница в два раза крупнее мальчика, а насколько она сильнее – и не сосчитать. Львица легко высвободилась.

Вся эта возня разбудила Эхо, и соколиха взмыла в небо с громкими негодующими криками.

– Только этого не хватало! – выдохнула Пирра.

Поняв, что с Разбойницей не сладить, Гилас с мрачным упорством взялся за весла.

К счастью, про купание львица забыла: она наострила уши и стала оживленно принюхиваться. Наконец-то они подплывают к мысу!

На краю Гилас заметил выступ. Может, спрятать лодку под ним? Пока мальчик подходил ближе к берегу, Пирра достала из мешочка на поясе кусочек золота и бросила за борт. Губы девочки шевелятся: она возносит беззвучную молитву своей Богине. Нетрудно угадать, о чем молится Пирра: «Помоги нам отыскать Исси и кинжал Короносов... Помоги одолеть Воронов...» Гилас тоже помолился про себя, только он обращался к Покровительнице Зверей. А еще мальчик надеялся, что его защитит висящий на груди египетский амулет – уаджет.

Тут вдалеке раздался плеск, и на секунду все мысли о Воронах вылетели у Гиласа из головы. Он пристально вглядывался в волны. С тех пор как они вошли в эти воды, Гилас

высматривал дельфинов, но пока не заметил ни одного. Вот и в этот раз над водой не блеснула серебристая спина, да и знакомого «пф-ф!» не слышно: с этим звуком они дышат.

Наконец нос лодки ударился о камень, и Разбойница бесшумно прыгнула на твердую землю. Львица весело дернула хвостом. На суше она сразу задышала полной грудью. Следующей на берег высадились Пирра с веревкой, а за ней последовал Гилас. Вместе они загнали лодку под выступ, вздрагивая каждый раз, когда дерево задевало камень: звуки разносились вокруг гулким эхом. Гилас наклонился, чтобы привязать лодку, и тут заметил чуть дальше узкий черный вход в морскую пещеру. Так вот почему здесь такое громкое эхо!

– Кажется, по этой тропе можно подняться на горный гребень, – вполголоса заметила Пирра.

Гилас не ответил. Он уловил в дуновении ветра до боли знакомый смолистый запах. Да это же фисташка мастичная! От этих кустов вонь такая, что глаза слезятся. Два года он не чуял этого запаха. Два долгих года скитаний, и вот Гилас наконец вернулся.

Вдруг у Гиласа возникло странное чувство, будто все, что произошло с ним за это время, ему приснилось: и то, как он был рабом в шахтах Талакреи, и то, как разыскал Пирру на Кефтиу, и то, как в Египте они сначала нашли, а потом потеряли кинжал. Гиласу казалось, будто ему снова двенадцать, как в ту страшную ночь, когда Вороны напали на их стоянку и убили его пса Брыся, а Исси, его сестренка, пропала...

Тут его плеча коснулась Пирра. Мальчик чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Гилас, что с тобой? У тебя видение?

– Нет, просто...

– Тогда пошли скорее, пока нас не заметили!

Под босыми ногами грубый камень. Колючки царапают голени. А со скалы, где дежурят воины, не долетает ни звука.

Слева легкий туман скрывает болота. Далеко ли они простираются? Как их обогнуть? И куда идти потом? Гилас вырос в Ликонии, по другую сторону Гор. О Мессении ему ничего не известно. Мальчик знает только, что эти земли обширны и правят здесь Вороны, а еще где-то на здешних бескрайних просторах прячется его сестра – если Исси, конечно, жива.

Они с Пиррой щедро заплатили капитану корабля, чтобы тот доставил их в Мессению, но как только они заметили берег, капитан отказался плыть дальше.

– Сюда соваться опасно, – проворчал он. – Вороны с бунтовщиками бьются не на жизнь, а на смерть – и здесь, и в Ликонии.

Капитан подвел корабль к скалам, но ближе подплыть не осмелился. Он дал Гиласу и Пирре весельную лодку и пожелал им удачи.

– Да только шансы уцелеть у вас невелики: в Мессении Вороны кишмя кишат. У крестьян помощи не просите: бедняг так запугали, что они вас мигом выдадут. Но самое глав-

ное – держитесь подальше от болот! Их даже Вороны стороной обходят. Раньше тамошние жители, Болотники, с мессе- нийцами хорошо ладили, но с тех пор как объявились Воро- ны, о дружбе и речи не идет: любого прикончат, кто к ним сунется.

А еще капитан рассказал, что в здешних водах видели дельфина.

– Плавает вдоль берега туда-сюда, – с благоговением го- ворил он. – Как будто кого-то ждет.

Гилас сразу вспомнил Духа – дельфина, с которым они с Пиррой подружились два лета назад. С тех пор Гилас пере- гибался через борт корабля, всматривался в волны и тихонь- ко свистел, подзывая друга. Несколько любопытных дельфи- нов подплыли поближе, но большого, со шрамами на носу, среди них не оказалось.

Горячий, пахнувший смолой ночной ветер вернул Гиласа с небес на землю. «Забудь про Духа, – велел он себе. – Да и что может дельфин против Воронов?»

И все-таки вот бы они снова встретились!

Гилас и Пирра не успели уйти далеко, как вдруг мальчик сообразил: Разбойницы давно не видно. Странно – она ведь проголодалась, ей наверняка не терпится поохотиться.

Гилас оглянулся – и сердце мальчика ухнуло в пятки.

– Разбойница! – настойчиво зашептал он. – Вернись!

– Разбойница, нет! – выдохнула тут же очутившаяся ря- дом с ним Пирра.

Но львица и ухом не повела.

Разбойница стоит на кончике мыса, не сводя глаз с воды: она ведь плещется совсем рядом, так хочется в нее нырнуть!

Соблазн оказался слишком велик. Только Гилас начал спускаться к ней, как львица прыгнула в Море, подняв тучу брызг. Воины сразу поймут: рыбе столько шума не наделать. На такой всплеск только глухие не сбегутся.

Колючие кусты шуршат на ветру. Волны накатывают на каменистый берег. А воины не спешат поднимать тревогу.

Вот Разбойница беззвучно вынырнула, щурясь от удовольствия: наконец-то! И охладилась, и – какое счастье! – вымылась. Взобравшись обратно на камни, львица шумно отряхнулась, пробежала мимо Гиласа и Пирры и скрылась в кустах.

А наверху по-прежнему тихо. С испуганно стучащими сердцами Гилас и Пирра продолжили подъем, надеясь, что с левой стороны мыса отыщется подходящая тропа. А потом обойти бы только болота...

Над их головами пронеслась Эхо. Соколиха села на камень прямо перед Пиррой. Вид у птицы обеспокоенный: расправив крылья и открыв клюв, она устремила на девочку свой свирепый взгляд. И вот Эхо опять улетела с пронзительным «э-э-э».

– Что случилось? – шепотом спросил Гилас. – Что она сделала?

Пирра застыла как вкопанная. Девочка глядела вверх.

– Кто-то идет!

* * *

– Я слышал плеск! – прокричал мужской голос.

Из-за камней он звучал приглушенно.

– Мы у Моря, дурень, – с насмешкой произнес второй мужчина. – Тут все плещется – и волны, и рыба.

– Не бывает таких огромных рыб!

Гилас и Пирра заплыли глубже в морскую пещеру под каменным выступом. Спускались они так быстро, что едва шеи не переломали, но стоило им проскользнуть внутрь, как Гиласа посетила тревожная мысль: как бы убежище не оказалось ловушкой!

Пещера глубокая и узкая, бок о бок тут не протиснешься. Гилас плыл первым, стараясь не задевать склизкие каменные стены и щетинящихся иголками морских ежей.

Вода вдруг стала холодней. «Должно быть, в эту пещеру никогда не проникает Солнце», – подумал мальчик. Вот они с Пиррой очутились в тупике и прижались друг к другу, покачиваясь на воде.

Вокруг воняет гниющими водорослями. Здесь так мелко, что можно достать дно, но каменный свод пещеры совсем низкий: места хватает только на то, чтобы еле-еле держать голову над водой.

Гилас напряг слух: не приближаются ли шаги? Но нет –

только волны шумно накатывают на берег. В темноте глаза Пирры кажутся огромными. Пряди длинных волос облепили шею, будто змеи, и губы девочки кажутся черными.

Впереди виднеется вход в пещеру, но этот крошечный кружок сияющего в лунном свете Моря легко загородить одним кулаком. Пещера оказалась глубже, чем рассчитывал Гилас. Вот он заметил нос весельной лодки. Только бы она не отвязалась! Тогда Вороны отыщут их в два счета.

Гилас продрог до костей. Мальчик крепче стиснул зубы, чтобы не застучали. Рядом с ним Пирру трясло с головы до ног.

Вдруг все тело девочки напряглось, и она вцепилась в его руку.

– Слышишь? Они спускаются к нам!

Гилас тоже уловил эти звуки: стук камешков, шаги воинов. Наемники Воронов идут сюда.

В этот момент бок Гиласа задело что-то мягкое и скользкое. Мальчик хотел вскрикнуть, но сдержался. Он попытался оттолкнуть эту тварь, но вот она уже поползла по его груди.

Неизвестный зверь, гладкий и гибкий, будто у него нет костей, однако он пугающе силен. Гилас вспомнил гигантских угрей: даже если отрезать им голову, ни за что не разожмут зубастые челюсти. Гилас вытащил нож, но Пирра схватила его за руку и энергично замотала головой.

– Это осьминог, – прошептала она Гиласу на ухо.

Мальчик старался не шевелиться, а похожие на змей шу-

пальца с присосками ползли вверх по его груди. Вот осьминог вскарабкался мальчику на плечо. Гилас повернул голову. На него уставились два выпученных черных глаза. Тут осьминог, похоже, сообразил, что залез вовсе не на камень, побледнел от испуга и плюхнулся обратно в воду.

Снова посыпались камешки. Шаги зазвучали ближе. Должно быть, воины решили спуститься к самому краю мыса.

Вдруг Пирра вздрогнула и приглушенно ойкнула.

– Меня кто-то ужалил! – прошептала она.

Жгучая боль пронзила сначала лодыжку Гиласа, потом бедро. Он принялся наугад тыкать под водой ножом. Пирра делала то же самое. Ее лицо исказила гримаса.

Вот боль обожгла ладонь, и между пальцами у мальчика просочилась студенистая масса. Чувство такое, будто Гилас сунул руку в огонь. «Медузы!» – пронеслось в голове.

– Медузы! – выдохнула Пирра.

У входа в пещеру камешки с плеском посыпались в воду.

– Слышишь? – воскликнул мужчина.

Его голос прозвучал неожиданно громко. Значит, он на самом краю выступа. Стоит воину присесть на корточки и посмотреть вниз...

– И что с того? – усмехнулся второй. – Какая разница, кто там вдалеке плавает?

Пирра сжалась в комок. Девочка отчаянно старалась отогнать медуз, не издав при этом ни звука. Гилас пытался за-

крыть ее своим телом, одновременно отдирая от кожи медуз при помощи ножа.

Перед глазами так и стоят воины-Вороны. Они прямо над головами у Гиласа и Пирры. Черные доспехи из сыромятной кожи, беспощадный блеск бронзовых наконечников копий. Гилас почти чувствует отдающий луком запах пота и горькую вонь сажи, которой они натираются...

На этот раз Гилас тоже услышал вдали плеск воды.

– Вот! – воскликнул первый воин. – Теперь слышал?

– Не на то внимание обращаешь, – проворчал второй. – Я тут поближе что-то слышу...

И опять с выступа посыпались камешки.

– Внизу кто-то есть, – продолжил воин. – И это уж точно не рыба.

Всплеск раздался снова. На этот раз оба воина ахнули.

– Это еще что? – воскликнул второй.

Пирра шумно втянула в себя воздух. Она не сводила глаз с озаренного Луной кружочка Моря. И тут Гилас понял, на что девочка смотрит: из воды, разбрызгивая сверкающие струи, выпрыгнул дельфин и быстро поплыл к ним по лунной дорожке.

Дельфин стремительно приближался. У Гиласа замерло сердце. Эта гладкая серебристая спина и шрамы на носу... Вот дельфин вильнул в сторону, исполнил в лунном сиянии высокий прыжок и плюхнулся обратно в воду, подняв высокую волну. Вода нахлынула на выступ, на котором стояли воины.

На секунду Дух снова показался из-под воды. Большие темные глаза глядели прямо на мальчика. «Спасибо тебе, друг», – мысленно поблагодарил его Гилас. А потом дельфин исчез – только рябь пробежала по воде. Больше Дух не выныривал.

С выступа дождем падали соленые капли, а мокрые воины отплевывались.

– Так вот кого ты слышал, – проворчал первый. – Дельфина! Идем отсюда.

– Откуда мне было знать? – огрызнулся второй воин: теперь настроение ухмыляться у него пропало. – Ну, попадись мне этот дельфин!

Послышались звуки потасовки.

– А ну опусти копьё! К твоему сведению, дельфин – священное животное!

– Ладно, успокойся! Пошли. А то рядом с болотами опасно. Эти Болотники подкрадываются незаметно, а потом так же исчезают. Не люди – призраки...

Голоса воинов постепенно затихали: они взбирались вверх по склону.

– Спасибо, Дух, – прошептала Пирра.

Гилас не ответил. Вот бы дельфин вернулся! Но что-то подсказывало мальчику: Дух уже далеко, он плывет в открытое Море, к своей стае.

* * *

Медузы скрылись так же быстро, как и появились. Волдыри на плечах и груди Гиласа болезненно дергало. Пирра морщилась и потирала плечи.

– Что-то мне расхотелось лезть вверх, – пробормотала она.

– Мне тоже. Ничего не поделаешь, сядем обратно в лодку и поплывем дальше. Может, отыщем подходящее место.

Но в какую сторону грести? Все побережье к востоку от мыса отлично просматривается с наблюдательного поста.

– А на западе надо как-то обойти болота, – заметила Пирра.

– Капитан говорил, что между ними и мысом есть водный путь. Отыщем его и проплывем вглубь...

– Если отыщем, – поправила Пирра.

Осенняя ночь выдалась жаркой, и Гилас с Пиррой рады были выбраться из холодной пещеры. Луна светила так ярко, что оба заморгали, но пока прятались, на берег опустился белый туман и скрыл все вокруг из вида.

Они вытащили лодку из-под выступа. Пирра взялась за

весла, а Гилас поплыл рядом, держась одной рукой за нос. Чтобы отыскать водный путь, он воспользуется уловкой, которой научился у Перифаса, бывшего раба. После побега с Талакреи они стали добрыми друзьями.

— Пресная вода холоднее морской, — объяснил Гилас Пирре. — Если повезет, я ее почувствую. Так и отыщем поток.

А еще Гилас надеялся, что Дух вернется, хоть и понимал, что шансов на это немного. Вот они отплыли от берега. Пирра старалась потише шевелить веслами, а Гилас греб одной рукой, пытаясь подвести лодку как можно ближе к каменистому берегу. Но блестящей серой спины нигде не видно, а гладкий дельфиний нос не задевает под водой бок. Вокруг Гиласа крутится только стая серебристых рыбешек. Мальчик чувствовал: Дух больше не приплывет.

Гиласа охватило уныние. «Зачем нас сюда занесло? — с горечью думал он. — Кинжал у Воронов. Мы понятия не имеем, где он. И как знать — вдруг Исси давно нет в живых?»

Сестра пропала два года назад, и все это время Гилас гнал от себя мысли о ней. Воспоминания об Исси причиняли слишком много боли. Но здесь, на родной земле, отгородиться от них сложнее. Исси то и дело встает перед мысленным взором — его шумная, строптивая, несносная младшая сестренка...

Вдруг сидевшую в лодке Пирру передернуло.

— Что-то здесь неладно, — прошептала она.

Тут у Гиласа тоже возникло странное чувство. Никаких

предвестников видения: ни пронзающей головной боли, ни тошноты, ни огней, мелькающих перед глазами. И все же его сердце сжалось от ужаса.

К Пирре на плечо села Эхо. Девочка дотронулась до ноги соколихи. Птица съежилась, нахохлилась. Пирра с тревогой поглядела на нее.

– Что с ней? – тихо спросил Гилас.

– Не знаю, – шепотом ответила Пирра. – Кажется, Эхо страшно.

– Страшно? Ей? Эхо же ничего не боится! Ну, кроме муравьев.

– Да, но мне тоже не по себе.

Вдруг рыбешки вокруг Гиласа бесшумно устремились прочь серебристыми потоками, и на секунду что-то загорело Луну. Гилас не успел разглядеть, что это было. Птица? Облако? Явно что-то большое. Свет померк совсем ненадолго, и все же в этот момент на мальчика черной волной нахлынул непередаваемый страх.

Темное нечто исчезло так же быстро, как и возникло, и в Небе снова ярко засияла Луна. Гилас и Пирра молчали. Никому из них не хотелось делиться подозрениями вслух, но оба сразу подумали о Злобных – грозных духах воздуха и тьмы, которым поклоняются Вороны.

Гилас и Пирра поплыли дальше, и вдруг мальчик ощутил, что вода резко стала холоднее.

– Кажется, мы нашли путь, – прошептал он.

– Не может быть! – удивилась Пирра. – Здесь же одни болота!

Сквозь колеблющуюся туманную завесу тускло сияет серебряная полоска воды. По обоим берегам растут камыши в человеческий рост с засохшими коричневыми верхушками, от которых веет затхлым духом разложения. Тут и там в тумане виднеются то низкая сгорбленная ива, то высокий тополь, прямой, как часовой. Один из мертвых тополей упал, перегородив устье потока. На голых белых ветвях дерева спят три черных баклана, спрятав голову под крыло.

– Здесь плыть нельзя, – объявила Пирра.

Даже переливчатые трели ночных сверчков и низкое кваканье лягушек звучат, будто предостережение.

Камыши впереди зашевелились, и из них вышла Разбойница. В зубах у львицы извивалась крупная рыбина. Мельком взглянув на Гиласа и Пирру, Разбойница запрыгнула на ствол засохшего дерева и разбудила бакланов. Птицы тут же скрылись в тумане. Львица растянулась на дереве во всю длину и свесила задние ноги по обе стороны ствола. Крепко зажав рыбу между передними лапами, Разбойница принялась шумно жевать.

Гилас облегченно вздохнул:

– Непохоже, чтобы Разбойница тревожилась.

– Еще бы! Ей-то чего бояться? Она же львица!

Гилас подтянулся, влез в лодку и стал выжимать длинные светлые волосы.

– Придется рискнуть. Капитан ведь говорил, что жители болот тоже Чужаки, совсем как я...

– Интересно, как ты им об этом скажешь, если они сразу стреляют из лука во всех без разбора? Об этом капитан тоже рассказывал!

– Пирра, возвращаться нельзя. Да и вдруг эти болота тянутся вдоль всего берега? Или у тебя есть идея получше?

* * *

Путники оставили лодку привязанной к голому дереву, но идти по берегу оказалось трудно: камыши никак не хотели их пропускать. Они росли на кочках плотными островками, но время от времени внезапно расступались, коварно заманивая в вязкие, болотистые топи.

Доев рыбу, Разбойница присоединилась к Гиласу и Пирре. Ей идти было легче: широкие лапы не давали увязнуть в трясине. И все же львица старалась держаться поближе к Гиласу. Время от времени она поднимала на мальчика большие, серебрящиеся в лунном свете глаза, будто спрашивала: «Ты уверен, что нам сюда?»

– Ты это видел? – вдруг прошептала Пирра.

– Что? Где?

– Я заметила огоньки, но они тут же погасли... Вот, опять!

Тусклое голубое мерцание осветило другой берег, но не успел Гилас посмотреть в ту сторону, как оно исчезло.

– Давай вернемся, – произнесла стоявшая рядом Пирра.

– Как будто нам есть куда возвращаться! Будем идти вдоль берега, пока не выберемся из болот...

– А по-моему, мы тут далеко не уйдем. Наткнемся на Болотников, и...

Тут Пирра вскрикнула и отпрянула, врезавшись в Гиласа.

Из кочки торчит острога, на которую насажен шлем Воронов. Пирра чуть на нее не наткнулась. От владельца шлема остались только длинные черные воинские косы, кое-как обмотанные вокруг гребня. С волос свисает большой кусок кожи с неровными краями... Окровавленный скальп!

– Может, теперь передумаешь? – вполголоса спросила Пирра. – Я не Болотница, но этот знак даже я поняла: «Держитесь подальше!»

– Они отпугивают Воронов, а не нас...

– Откуда такая уверенность?

После короткого ожесточенного спора Пирра одержала победу, и они зашагали обратно к голому дереву, но когда его белые ветки проступили сквозь туманную пелену, Гилас остановился.

– Нет, уплыть не получится, – изменившимся голосом проговорил мальчик. – Лодка пропала.

Пирра растерянно уставилась на него:

– Ты же ее привязал! Я сама видела.

Гилас облизнул губы:

– Пирра, Болотники прежде всего Чужаки. Мы их не уви-

дим, пока они сами не захотят показаться.

Теперь остается только один путь: дальше вдоль берега.

Но уйти далеко Гилас и Пирра не успели: проток сузился и превратился в ручей, терявшийся в зарослях ив. Мальчик ощущал на себе чьи-то взгляды.

– Держись поближе ко мне, – тихонько велел Гилас Пирре. – Болотники повсюду, я чувствую.

Повысив голос, мальчик дружелюбно обратился к тем, кто за ними следил:

– Я тоже Чужак. Я вырос на пике Ликас, это в Ликонии, но моя мать была Болотницей из Мессении, как и вы!

Тишина. Только слабый ночной бриз покачивает камыши. Их засохшие коричневые верхушки шуршат на ветру. Даже лягушки и ночные сверчки примолкли.

– Я ищу сестру, – продолжил Гилас. – Она пропала два лета назад, когда Вороны напали на нашу стоянку. Ее зовут Исси. Кажется, на вашем языке ее имя значит «лягушка».

Разбойница вынырнула из тумана так неожиданно, что Гилас и Пирра вздрогнули. Вся ее морда облеплена рыбьей чешуей. Потершись мокрой головой о бедро мальчика, львица замерла и стала вглядываться в туман.

Пирра коснулась руки Гиласа. Темные глаза на бледном худеньком личике выглядели огромными.

– Больше с ними не разговаривай. По-моему, им это не нравится.

Разбойница вскинула голову и принялась. Ее хвост на-

пряженно застыл.

Выше по течению что-то происходит.

В этот момент перед глазами у Гиласа вспыхнули огни, а пылающий палец вонзился мальчику в висок. Держась за голову, он согнулся пополам.

– Гилас! – испуганно прошептала Пирра. – У тебя видение?

Мальчик хотел ответить, но не смог выговорить ни слова. Внезапно все вокруг стало четче, ярче. Гилас увидел, как над камышами поднимаются зеленые, отвратительно воняющие болотные пары. Услышал, как лапки лягушки прилипают к стеблю, по которому она взбирается.

А на середине потока, там, где Пирра различает только водоросли, над поверхностью поднимается водный дух.

Сначала перед ним предстало полупрозрачное существо, сотканное из тумана и лунного света, но дух становился все выше, жемчужные огоньки сливались друг с другом, и вот Гилас уже видел женщину так же отчетливо, как и камыши вокруг нее. Зеленые волосы плыли по воздуху, точно водоросли по воде. Взгляд холодных белых глаз скользнул мимо Пирры, ненадолго задержался на Разбойнице и наконец остановился на Гиласе. Она пристально смотрела ему в глаза.

С улыбкой, больше напоминавшей серый оскал, женщина вытянула длинную руку, с которой капала вода, и показала Гиласу блестящую ладонь. На ней сидела крошечная древесная лягушка. В лунном сиянии она казалась черной. Второй

рукой женщина-дух указала вверх по течению.

Гилас перевел взгляд с черной лягушки на светящиеся перепонки между тонкими, заостренными пальцами и вдруг понял, что хотела сказать ему женщина-дух.

Лягушка. Исси. На болотах.

Тут все мысли об опасных Болотниках вылетели у мальчика из головы.

– Она здесь! – закричал Гилас, продираясь через камыши. – Исси на болотах!

– Гилас, вернись! – потребовала Пирра.

Но мальчик и ухом не повел. Под ногами чавкала грязь. Он пробирался вверх по течению, а Разбойница – следом.

Вдруг Гиласа будто схватили за щиколотку и резким рывком подняли в воздух. Подвешенный за ногу, он раскачивался над водой. Похоже, Гилас угодил в какую-то сеть.

Но в эту же сеть попала передняя лапа Разбойницы. Острыми, как клинки, когтями львица с рычанием разорвала прочные волокна, будто тонкую паутинку. Гилас плюхнулся в воду.

Вот он вынырнул, выплевывая водоросли. А Разбойница уже убежала в камыши.

А через болото к нему пробиралась напуганная и рассерженная Пирра.

– О чем ты только думал? Чуть не погиб!

Пристыженный Гилас выбрался на берег и разрезал толстую веревку, обмотанную вокруг щиколотки. Она оказалась

сделана из рыбьей кожи – материала тонкого, но прочного. У Гиласа над головой покачивалось молодое деревце, которое пригнули к земле, чтобы устроить ловушку. Теперь оно опять распрямилось, и с его верхушки свисала разорванная сеть.

Женщина-дух исчезла. В кваканье лягушек слышалась издевка. Шорох камышей напоминал недобрый смех. Пирра права: вместо сети Гилас мог наткнуться на копье, при неосторожном шаге вонзающееся в непрошеного гостя. Тогда или его, или Разбойницы уже не было бы в живых.

А тут еще снова загорелись болотные огни, окружив Гиласа и Пирру голубым мерцающим кольцом. Но люди все не показывались.

Гилас потянулся к амулету – уаждету.

– Нож не доставай, – тихо велел он Пирре.

Они застыли спина к спине.

– Я и не собиралась, – ответила девочка.

Какой сейчас прок от ножа? Только хуже сделаешь.

– Я с Гор Ликонии, – обратился Гилас к колеблющемуся огненному кольцу. – Но моя мать была Болотницей, как вы!

Молчание. Но кольцо начало смыкаться.

В знак дружеских намерений Гилас поднял руки, показывая ладони.

– Я ищу сестру. Ее зовут Исси. Она пропала, когда Вороны...

Вдруг огоньки погасли. Прямо возле ноги Гиласа в грязь

воткнулась острога. Гилас едва удержался, чтобы не шарахнуться. Пирра резко втянула в себя воздух, но тоже не сдвинулась с места.

Тут из камышей донесся голос с резким гортанным акцентом:

– Мы с первого раза тебя расслышали, незнакомец.

– Ты не из наших, – резко бросил Болотник, выходя из тумана.

Приземистый, с толстым пузом, он одет в грязную тунику из рыбьей кожи, а короткие руки и ноги обмазаны зеленой грязью, от которой несет болотом. На голове повязка, тоже из рыбьей кожи, а пухлое лицо покрыто той же зеленой жижей. Глаза у него выпученные. «Совсем как у лягушки», – подумала Пирра.

Мужчина ткнул острой в египетский амулет на груди Гиласа:

– Чужаки с такими не ходят. И в ловушку их поймать не так-то просто, не то что тебя. А еще ни один Чужак не приведет сюда желтое чудовище, чтобы оно поедало нашу рыбу. Нет, ты не один из нас!

– Я с пика Ликас, – тихо ответил Гилас. – Но я тоже Чу...

– А ты? – Болотник ткнул пальцем в Пирру. – Ты-то уж точно не Чужачка!

– Я кефтийка, – с гордостью ответила Пирра. – Вороны – мои враги.

Собралась целая толпа Болотников: некоторые маленького роста, коренастые, другие повыше и потоньше, но все как один одеты в рыбью кожу и обмазаны грязью.

На Гиласа и Пирру нацелили еще больше острог.

– О кефтийцах мы ничего не знаем, – произнес один из Болотников с тем же гортанным акцентом. – На наши болота никому нет хода, кроме Чужаков.

– Пирра со мной, – возразил Гилас. – Куда я, туда и она.

Разбойница будто нарочно выбрала этот момент, чтобы выйти из камышей.

Послышался глухой ропот, некоторые с благоговением кланялись львице. Болотники расступились, давая ей дорогу, но как только Разбойница встала рядом с Гиласом, кольцо из острог опять сомкнулось.

Гилас положил руку на голову львицы. Только бы она вела себя спокойно!

– Не трогайте ее, – предупредил мальчик Чужаков.

– Нашел дураков, – резко бросил какой-то старик. – Скажи спасибо желтому чудовищу, из-за него ты до сих пор жив!

– Плавник, перо и шерсть, – вдруг загадочно произнес кто-то. – Пойдете с нами!

* * *

«Похоже, вождя у Болотников нет», – решила Пирра. Да и вообще, попробуй их различить: все в одинаковых туниках из рыбьей кожи, все покрыты вонючей зеленой жижей. У женщин поверх головных повязок намотаны другие, красноватые, сплетенные из травы, у мужчин – такие же, только грязно-коричневые. И все глядят на Пирру с одинаковой враждебностью. Глаза у них точь-в-точь как у лягушек. Даже руки на ощупь будто лягушачьи лапы – холодные и мокрые.

Болотники отобрали у нее и Гиласа оружие и загнали их на один из своих плотов. Пирра едва удержалась, чтобы не вздрогнуть, когда чьи-то пальцы принялись ощупывать шрам в форме полумесяца на ее щеке.

Эхо куда-то запропастилась, и даже Разбойница, как ни странно, опять убежала. Неужели она не чувствует угрозу?

Чужаки ловко гребли шестами, прокладывая путь через болота, пока не добрались до помоста из плетеного камыша, хитро замаскированного среди ив и тускло освещенного камышовыми факелами. Гиласа и Пирру заставили сесть в середине, а Болотники расположились вокруг них на кор-

точках. Рядом с Чужаками лежали остроги, нацеленные на пленников.

Принесли корзины с непонятным зеленым месивом. Почти все Болотники накинулись на это угощение, хватая еду руками и кладая острыми зелеными зубами. Даже во время трапезы они то и дело бросали на Гиласа и Пирру недобрые взгляды. Несколько человек сидели с безучастным видом, на еду они даже не взглянули. Их била дрожь. «Наверное, эти люди больны», – подумала Пирра.

Перед ней и Гиласом плюхнули корзину с тем же месивом. От него так воняло рыбой, что Пирра сморщила нос.

– Это что такое? – с трудом выговорила она.

– Лучше не спрашивай, – прошептал Гилас. – Просто ешь.

Оказалось, в корзине какое-то мясо, но запах от него исходил тошнотворный. Гилас заставил себя проглотить чуть-чуть. Пирра сунула в месиво палец, но ее тут же замутило.

Болотники сердито забормотали на своем резком наречии, и Пирре невольно вспомнилось копье со шлемом Ворона, с которого свисал окровавленный скальп. Девочка живо представила, как эти холодные мокрые руки хватают ее за волосы. И все-таки что за мясо в корзине?

Вдруг помост дернулся. На него запрыгнула мокрая Разбойница и принялась отряхиваться. Но вместо того чтобы схватиться за остроги, Болотники почтительно отодвинулись, давая ей дорогу.

Львица невозмутимо прошла мимо них, приветливо по-

терлась о Гиласа, коснулась носом носа Пирры и широко зевнула. Женщина с поклоном поставила перед львицей корзину рыбы, но Разбойница лишь села и принялась слизывать с лап грязь. Судя по раздутому животу, рыбы львица наелась вдоволь. Неужели Болотники ее уже накормили?

Тут Пирре пришла в голову мысль. Обращаясь к Чужакам, она спросила:

– Что значит «плавник, перо и шерсть»?

Лягушачьи глаза на грязных лицах часто заморгали.

– Нам известно, что означает «плавник», – проговорила одна из женщин.

– Мы видели, как Воронов спугнула огромная рыба, – прибавил мужчина.

– Ваше желтое чудовище – это «шерсть». А что значит «перо», мы не знаем.

Пирра облизнула губы:

– Кажется, я знаю.

Она подняла руку и свистнула, подзывая Эхо.

Болотники схватились за остроги. Разбойница чуть вскинула голову, потом продолжила вылизывать лапы.

Пирра свистнула еще раз.

К ее облегчению, из темноты спикировала Эхо. Пролетев прямо над головами Болотников, соколиха села на кожаную манжету на предплечье девочки. В отличие от Разбойницы Эхо отнеслась к посторонним настороженно: птица зашипела и расправила крылья, готовая взлететь в любой момент.

Болотники принялись оживленно переговариваться вполголоса, но Пирра так и не поняла, лучше она сделала или хуже.

Тут к Гиласу обратился старик:

– Ты сказал, что твоя мать Болотница. Как ее звали?

– Не знаю, – произнес Гилас. – Я рос без нее.

И опять ропот: Болотников насторожил его ответ.

– Отца я тоже не знал, – с вызовом продолжил Гилас. – Единственное, что мне известно, – он из Горного Клана, однако он покрыл свой род позором, отказавшись сражаться с Вороны. – Тут лицо Гиласа дрогнуло. – Но я не такой. Мы с Пиррой уже два лета с ними боремся. Мы приплыли в Месению, чтобы забрать у Воронов одну вещь и отыскать мою сестру. – На лице Гиласа отразилась целая гамма чувств. – Я кое-что увидел на болотах и понял, что она здесь.

– Вороны подчинили своей власти все земли, – вмешался еще один мужчина. – Они сражались с бунтовщиками на севере и одержали победу. Они всегда побеждают. Им помогает священный кинжал. Воронов никому не одолеть.

Гилас и Пирра переглянулись. Выходит, Болотникам известно о кинжале.

– А где он сейчас? – спросила Пирра.

Одна из девушек неопределенно махнула покрытой грязью рукой:

– Молодой повелитель-Ворон сейчас добивает бунтовщиков на севере.

Пирра даже не взглянула на Гиласа. И так ясно, что «мо-

лодой повелитель-Ворон» – это Теламон. Кто же еще?

Болотники заговорили все одновременно:

– Его отец Тестор погиб...

– Убит на севере, в сражении...

– Фаракс в Ликонии, подавляет восстание...

– Старик Коронос занял крепость Тестора в Лапитосе...

– Мало того, что у Воронов есть кинжал, – им еще и Злобные покровительствуют...

Тут многие вздрогнули и с опаской взглянули на ночное небо.

Одна из женщин вполголоса произнесла:

– В новолуние Коронос призвал Их. На красной вершине пика Ликас, в роще черных тополей он принес в жертву черных быков и сжег туши. Так он заслужил благоволение Злобных...

– И с тех пор в каждом порыве ветра слышатся жуткие вопли, – подхватил еще кто-то. – Даже в ясный день на землю падают тени, будто от облаков. Ужас окутал камыши, будто туман, а нас выкашивает болотная лихорадка...

– «Плавник, перо и шерсть», – повторила женщина. – Это заклинание защищает нас от Злобных, и, похоже, оно связано с вами. Поэтому вы останетесь на болотах и будете оберегать нас от бед.

Эхо улетела и устроилась спать на ближайшей иве. Разбойница стояла рядом с Гиласом и пристально смотрела круглыми золотистыми глазами на острогу, нацеленную мальчику в грудь.

Пирра предостерегающе дотронулась до плеча Гиласа, но тот лишь сбросил ее руку.

– Хотите удержать нас силой? Нет, так вы Воронов не одолеете и от Злобных не избавитесь! – с пылом произнес он.

– Откуда ты знаешь? – невозмутимо спросил один из Болотников.

– За пределами болот вам не уцелеть, – заметил другой. – Никто не станет вам помогать. Вороны предлагают щедрую награду за сердца желтоволосого Чужака и кефтийки со шрамом.

Пирра нервно сглотнула:

– Это что же получается? Они нас ждут?

– Кроме Болотников, вам положиться не на кого! – заключил мужчина. – Будете жить с нами.

– Мы не можем. – Гилас едва сдерживал злость. – Мы ищем мою сестру! Она здесь, на болотах, я знаю!

Чумазные лица Болотников ничего не выражали.

– Когда сестренка пропала, ей было девять лет, – дрогнувшим голосом проговорил мальчик. – Сейчас ей почти двена-

дцать. Волосы у нее светлые, как у меня...

– Когда пришли Вороны, несколько Чужаков сбежали с Гор на болота, – произнес старик и показал четыре коротких толстых пальца. – Четыре парня. Ни одной девочки.

Гилас продолжал, будто не слышал:

– С Исси никакого покоя – то болтает, то поет, то спорит. А еще она все время заводит дружбу с дикими зверями... Ее любимые животные – лягушки. – Голос мальчика дрогнул. – Я даже как-то раз вырезал лягушку на рукоятке ее ножа.

Пирре было так жаль Гиласа, что сердце разрывалось. Как же он хочет верить, что с Исси все хорошо!

Но старик только головой покачал.

– Одни парни, – повторил он. – Никаких девочек.

– Исси жива! – выпалил Гилас. – Если бы она умерла, я бы сразу узнал – мне бы явился ее дух!

Испуганные Болотники выставили остроги перед собой.

Гилас с вызовом глядел на них. Разбойница прижала уши, оскалилась и зарычала.

– Значит, «плавник, перо и шерсть»... – поспешила вмешаться Пирра. – Говорите, это заклинание? Откуда оно вам известно?

Болотники переглянулись, будто никто не хотел отвечать первым. Они опустили остроги.

– Летом, когда болота засыпало черным пеплом, приходила знахарка, – начал один из мужчин.

– Она многих вылечила от болотной лихорадки, – подхва-

тила женщина. – Те, к кому привязывается эта болезнь, часто умирают, но знахарка научила нас готовить лекарство.

– Мы умоляли ее остаться, – продолжил мужчина. – Просили защитить нас от Злобных. Но она отказалась. Мы не осмелились удерживать ее против воли. Но прежде чем уйти, она дала нам обереги против Них.

Мужчина коснулся грязного мешочка на шее. Тут Пирра заметила, что все остальные носят точно такие же.

– Знахарка слушала духов, – прибавила женщина. – Она сказала: «Они придут с плавником, пером и шерстью. Они будут бороться со Злобными».

Пирра подтолкнула Гиласа локтем, но тот даже не обернулся. Гилас сидел, опустив голову, и то сжимал, то разжимал кулаки.

Видно, переживает из-за сестры.

– Куда ушла эта знахарка? – спросила Пирра.

Женщина указала направление.

– Она искала какое-то святилище в Горах на востоке. Мы уверены, что знахарка добралась до цели, потому что примерно в это же время Воронов, которые там обосновались, стал преследовать вор-невидимка. Наверняка это знахарка наколдовала.

– Вор-невидимка? – озадаченно нахмурилась Пирра.

– Он мал, как ребенок, и очень хитер. Разрезает бурдюки Воронов, портит их мясо, а потом оставляет свой знак – глиняную лягушку.

Тут Гилас оживился:

– Что?! Где этот вор?

– Там, куда ушла знахарка. Рядом со святилищем под названием Дентра.

– А вдруг это Исси? – вскричал Гилас. – Что, если она и есть вор-невидимка?

– Гилас, если Исси любит лягушек, это еще ничего не значит, – мягко произнесла Пирра. – Говорят же – причина в заклинании...

А про себя девочка подумала: может быть, Исси все-таки мертва, а знахарке служит дух девочки?

– Исси все время лепила глиняных лягушек, – не сдавался Гилас. – Другие животные ей не удавались! – Потом он обратился к Болотникам: – Отпустите нас! Я должен найти этого вора-невидимку!

– Нет! Останетесь с нами!

– Вы часть заклęcia!

– Вы спасете нас от Злобных!

– От них спасения нет! – взревел разъяренный Гилас.

Эхо с криком слетела с дерева, а Разбойница зарычала и вонзила в помост когти. Пирра успокаивающе положила руку на загривок львицы и бросила на Гиласа предостерегающий взгляд.

– Как звали эту вашу знахарку? – спросила девочка у Болотников. – Откуда она пришла?

– А тебе-то какое дело? – выпалила старуха.

Пирра выпрямилась во весь рост:

– Я дочь Верховной жрицы Кефтиу, мне приходилось иметь дело со знахарками. Отвечайте!

– Она приплыла с острова, – нехотя проговорила женщина. – С того самого, который взлетел на воздух в тучах черного пепла. Знахарка говорила, что остров погубили Вороны и отныне цель ее жизни – отомстить им.

Сердце Пирры забилося быстро-быстро.

– А белая прядь у нее есть? Вот здесь? – Пирра коснулась волос на виске.

Болотники застыли как каменные.

– Ее имя Хекаби, – объявила Пирра. – Она с Талакреи. Мы ее знаем. Перед тем как остров разнесло, мы помогали спасти ее сородичей.

По толпе снова пронесся гул голосов.

– Хекаби очень могущественная знахарка, – прибавил Гилас.

– С ней лучше не ссориться, – заметила Пирра. – Хекаби наверняка не понравилось бы, что вы нас удерживаете.

* * *

Болотники сидели на корточках на почтительном расстоянии от гостей и наблюдали, как Разбойница посапывает во сне. Львица развалилась на спине, а Эхо сидела у нее на животе и выклевывала из шерсти подруги клещей.

Гилас и Пирра отошли к углу помоста, чтобы поговорить без посторонних ушей. Ночная песня сверчков зазвучала по-другому, кое-кто из болотных птиц уже просыпался: скоро рассветет.

Чужаки наконец согласились показать им дорогу. Вот только куда идти, когда они наконец покинут болота?

– Если Болотники не ошибаются, значит кинжал на севере, – вполголоса проговорила Пирра. – Теламон наверняка взял его с собой. А если ты не ошибаешься насчет вора-невидимки, Исси в восточных Горах, но наверняка мы этого не знаем. – Девочка поглядела на Гиласа. – Не можем же мы разорваться.

Мальчик сидел, скрестив ноги, и с угрюмым видом ковырял камышовый настил ногтем большого пальца. Пирра понимала, что в его душе борются противоречивые чувства. В первый раз за два года он напал на след сестренки, и что же ему теперь делать? Как ни в чем не бывало искать кинжал?

– Давай сначала поищем Исси, – предложила Пирра. – А за кинжалом можно и потом пойти...

– Как ты себе это представляешь? – не поднимая головы, буркнул Гилас. – Если упустим шанс добыть кинжал, сколько еще повстанцев погибнет? Это я виноват, что кинжал у Воронов! Я отдал его своими руками!

– Тут есть и моя вина.

– Неправда. Кинжал Теламону вернул я.

Пирра подумала о битве на Великой Реке в Египте.

Вспомнила, как к ее горлу приставили нож, а Теламон крикнул Гиласу: «Бросай кинжал мне, или она умрет!»

– Жалеешь теперь? – тихо спросила Пирра.

– Выдумаешь тоже! Но из-за того, что я отдал кинжал, Вороны свирепствуют в Акии и повсюду истребляют бунтовщиков.

Гилас тяжело вздохнул. Потом сел прямо и расправил плечи.

– Я свое решение принял. Пойду искать кинжал.

Пирра застыла.

– Ты ведь хотел сказать «пойдем»?

Мальчик посмотрел ей в глаза:

– Пирра, мне кажется, нам надо разделиться.

Девочка похолодела.

– Это еще зачем?

– Болотники отведут тебя на восток, в Горы. Поднимешься на вершину, отыщешь святилище в Дентре и, если повеет, встретишь Хекаби – а может быть, даже Исси. А пока ты идешь к знахарке, Болотники укажут мне путь на север и я добуду кинжал.

– Ты, я смотрю, все продумал! – разозлилась Пирра. – А сам еще недавно твердил: куда я, туда и ты! Что, забыл?

– Пирра, ну ты же понимаешь – так удобнее всего.

– Нет, не понимаю! Но одно я знаю наверняка: что-то ты темнишь. Дело в твоих видениях, я угадала? Ты еще в Египте говорил, что они стали сильнее, и теперь ты боишься, что

дальше будет только хуже и ты не сможешь защитить меня!

– А если и так, разве я не прав? – возмутился мальчик.

– Гилас, я сама в состоянии о себе позаботиться! Меня охранять не надо!

– Как хочешь, но будем делать, как я сказал, нравится тебе это или нет!

Пирру одолевали и гнев, и страх, и уныние. Отправиться одной в незнакомые Горы вместе с Болотниками! Знать бы еще, что у них на уме! Искать в чужом краю, вдали от родного Кефтиу, незнакомую девочку! Нет, в голове не укладывается! И Гиласа рядом не будет.

Хотелось крикнуть: «Как ты можешь так спокойно об этом говорить? Неужто не понимаешь? Если разделимся, неизвестно, встретимся ли снова!»

Но гордость не позволяла Пирре спорить с Гиласом и тем более упрашивать его.

– Хорошо, – дрожащим голосом выговорила она. – Я буду искать Исси, а ты отправляйся за кинжалом.

Поначалу львица не понимала, отчего девочка так расстроилась. Почему она больше не разговаривает с мальчиком? Почему они не вместе?

Наверное, во всем виноваты низкорослые грязные люди. Угрозы от них не исходит: это львица почуяла сразу. Они ей даже понравились – еще бы, они ведь постоянно кормят ее рыбой!

Место, где живут грязные люди, львице тоже пришлось

по душе. До чего она рада, что не надо больше плыть по Большому Мокрому! Там ее все время укачивало и тошнило. Здесь, конечно, сыровато, зато полно деревьев с грубой корой: точить когти одно удовольствие! А сколько тут камышей! Прячься – не хочу! А еще здесь много Мокрого. Знай плещись! Чавкающая грязь приятно холодит лапы. Но лучше всего то, что здесь нет ни злых людей-воронов, ни собак.

Зато дичи видимо-невидимо! Лягушки, утки, цапли! А еще маленькие существа, которые ходят боком. Они чем-то смахивают на пауков, только с хрустящими панцирями. А рыбы здесь и вовсе изобилие! Некоторые рыбины размером ненамного меньше львицы. Они прячутся на дне Мокрого, а мелкие рыбешки глупые: грязные люди развешивают травяные мешочки, а те в них заплывают. До чего весело разрывать эти мешочки когтями!

Что и говорить, лучше территории для прайда не найдешь. Ну почему больше никто не хочет здесь остаться?

Соколиха, как всегда, не стала скрывать свои мысли. Обычно, когда приходит Тьма, эта зануда устраивается на ночлег, но сегодня соколихе не спится. Вздрагивает, просыпается и пялится Вверх, а потом сердито встряхивает перьями и опять успокаивается. Львице из-за этого не по себе. Она вспоминает про тень, которая пронеслась у них над головами, когда они добрались до земли. А стоит подумать про эту тень, как сразу вспоминаются те самые ужасные духи. Когда львица была детенышем, они являлись ей в самых страшных

кошмарах.

Львица совсем не хочет думать про свирепых духов. Только бы они не вернулись! Вот поэтому и надо поселиться в безопасном сыром месте среди камышей – сюда они точно не явятся.

Но вместо этого мальчика с девочкой зачем-то понесло туда, где камыши заканчиваются. Мало того – они повернули в разные стороны!

Как и все люди, мальчик и девочка шумные и медлительные. Уследить за ними несложно. Когда становилось Светлее, львица убегала вперед, чтобы понюхать, чем пахнет земля за камышами – травой, зайцами, оленями, Горами. А потом львица трусила обратно: надо же проверить, как там прайд. И каждый раз львица с тревогой замечала, что пропасть между мальчиком и девочкой становится все шире и шире.

Когда львица вернулась в следующий раз, между ними и вовсе разверзлась бездна. Мальчик брел одной дорогой вместе с компанией грязных маленьких людей, а девочка уже ушла далеко-далеко по другой дороге. Она направлялась в Горы вместе с двумя незнакомыми грязными людьми: те ждали ее там, где заканчиваются камыши.

Тут львица совсем растерялась. Она снова отыскиала мальчика и с утробным урчанием потерлась о его ноги. Может, хоть он ее успокоит?

Мальчик наклонился, прижался лбом к ее лбу и заговорил

с львицей по-человечьи. От грусти его голос звучал низко и хрипло. А потом мальчик оттолкнул львицу, что-то резко произнес и указал на Горы: девочка пошла туда вместе с соколихой. А потом мальчик, не оглядываясь, зашагал в другую сторону.

Львица кинулась за ним, в шутку сбила его с ног и легонько постукала по голове передними лапами. Но мальчик отпихнул ее и встал. Он опять заговорил со львицей строго. И снова указал на Горы.

Наверное, это такая новая игра. Львица прыгнула на мальчика, обняла его лапами за шею и стала протяжно рассказывать на львином языке, как ей с ним хорошо.

Тут мальчик оттолкнул ее с силой (для него это почти грубо) и, когда он снова показал на Горы, стал кричать. Львица была потрясена до глубины души, уловив в его голосе злость, пусть и смешанную с печалью.

И вдруг правда цапнула львицу прямо за нос. Мальчик не хочет, чтобы она шла с ним. Он хочет, чтобы львица поднялась в Горы вместе с девочкой и соколихой. Прайд разваливается!

Львица села и озадаченно уставилась на мальчика. Она совсем забыла, что уже выросла, и жалобно замыкала, как в детстве. Нет, нет, нет, прайд разбивать нельзя!

Мальчик шумно, судорожно вздохнул и потер морду передней лапой. Потом отвернулся и побрел прочь.

Тихонько мяукая, львица смотрела, как он скрывается за

деревьями. Мальчик даже не оглянулся.

Продолжая жаловаться, львица прошла по кругу, потом поспешила за мальчиком, но тут же остановилась. Львица запрыгнула на камень. Оттуда она глядела мальчику вслед, пока он не скрылся из вида, а ветер не развеял остатки его запаха. Львица все ждала и ждала, но мальчик не возвращался. Он ушел.

Внутри у львицы поселилась грызущая пустота – так бывает, когда не ешь много смен Света и Тьмы. Только сейчас ей гораздо больнее.

Львице не верилось, что мальчик вот так взял и ушел. Она все надеялась, что это новая игра. Вот-вот раздастся этот странный человеческий смех (люди смеются так, будто задыхаются), мальчик вылезет из кустов, позовет ее...

Но хотя львица не сходила с камня и терпеливо ждала, пока Великий Лев взбирался все выше и выше Наверх, до ее ушей долетал только щебет птиц и шорохи деревьев: так они разговаривают с ветром.

Ну чем она провинилась? Почему больше не нужна мальчику?

Наконец львица спрыгнула с камня и пошла на запах девочки и двух грязных маленьких людей.

Великий Лев взошел еще выше, а львица, страдая от пыли и жары, устремила в предгорья. Кое-где попадались человеческие логова: такие они устраивают для свиней и коз. Львица пробиралась через леса, где водится много оленей,

а в воздухе стоит насыщенный запах кабана. Но она всего этого не замечала. Львица чуяла следы девочки и грязных людей, однако шла по ним безо всякой радости. Просто ей больше некуда идти. Но эти запахи неправильные, и люди тоже неправильные, потому что они не мальчик.

Нет, это никуда не годится! Ну почему он ее прогнал? И почему девочка не пойдет за ним и не вернет его?

До чего же все запутанно и неправильно! Они же прайд, а прайды никогда, никогда не разделяются. Его члены должны держаться вместе.

Услышав лошадиное ржание, Гилас сразу укрылся в зарослях папоротника-орляка. Откуда-то снизу доносились мужские голоса, а еще оттуда пахло дымом костра.

Гилас неслышно спустился по склону, прячась то за одной сосной, то за другой. Он выглянул из кустов.

Лагерь Воронов внизу, в тридцати шагах от него. Похоже, проводники-Болотники говорили правду: бóльшую часть

воинов Теламон оставил на севере, чтобы они переловили всех поверженных бунтовщиков, а сам отправился на юг с небольшой группой людей.

Неужели кинжал у Теламона? Или он по другую сторону Гор, в Лапитосе, родовой крепости Воронов? Гилас не знает. Зато он знает Теламона. Его бывший друг заносчив – и чем дальше, тем больше в нем спеси. В Египте Теламон вернул кинжал, а значит, теперь он не захочет с ним расставаться. Что, если Теламон придумал повод не отдавать оружие ни Короносу, ни Фараксу? Тогда он наверняка носит реликвию с собой.

Вороны разбили на ночь лагерь на горном склоне, на уступе. Слева от Гиласа по берегу ручья растут каштаны, а тропа ведет вниз, в ближайшую долину. Двое воинов-Воронов в черных доспехах из сыромятной кожи сидят, свесив ноги в воду, а еще трое что-то готовят в котле, висящем над огнем. В двадцати шагах от них, ниже по течению, еще четыре человека подбрасывают хворост во второй костер. Воины с ног до головы в пыли, вид у них уставший.

В противоположной стороне, справа от Гиласа, склон резко обрывается: там пролегает ущелье. На краю растет сосна, а под ней стоит единственный в лагере шатер. Он из алой шерсти: такой может принадлежать только вождю. Значит, вот где будет ночевать Теламон.

Прямо под Гиласом к колышкам привязаны две колесничные лошади. Кони щиплют траву рядом с частями разобранных

ной колесницы, покрытыми ярко сверкающей позолотой. Гилас невесело улыбнулся. В предгорьях от колесницы и лошадей проку мало, но и то и другое дорогое и редкое, а Теламона всегда волновало, что о нем подумают. Ему и дела нет, что из-за его капризов воины вынуждены ухаживать за лошадьми, да еще тащить через Горы части колесницы. Как только они спустятся на равнину, Теламон наверняка прикажет собрать колесницу и запрячь в нее своих породистых, высоко вскидывающих ноги коней, а потом с удовольствием поскачет впереди всех.

Из шатра выскочил тощий испуганный раб с широким бронзовым сосудом и побежал к ручью набирать воду. Вскоре после этого полы шатра распахнулись, и оттуда вышел сам хозяин.

В последний раз Гилас видел Теламона в Египте, три Лунны назад, и тогда на нем были богатые одеяния, но сейчас его бывший друг выглядит еще величественнее. Шлем с пластинами из кабаньих клыков украшен глянцевым гребнем из черного конского волоса, а доспехи не кожаные, а бронзовые, к тому же отполированные до блеска. На юбке тоже полосы сверкающей бронзы, бронзовые ножные латы защищают голени, а на предплечьях бронзовые наручи. Рельефный нагрудник ослепительно ярко сверкает в лучах вечернего Солнца, а наплечники до того массивные, что кажется, будто перед тобой легендарный герой былых времен. Перевязь наискосок пересекает грудь, на ней за спиной висят

ножны, а в них меч с позолоченной рукояткой. Но несмотря на все это великолепие, Гиласу сразу бросились в глаза алые ножны на поясе Теламона. Из них выглядывала простая, ничем не украшенная рукоятка.

Гилас вздрогнул. Сердце забилося быстро-быстро. Ну конечно, это кинжал Короносов – что же еще?

Гилас тут же придумал, что делать. Как только все заснут, он потихоньку спустится по склону и подготовит себе путь к отступлению. Надо обвязать вокруг сосны веревку и спустить ее в ущелье. Тогда Гилас сможет сбежать в любой момент. Ну а потом он напугает лошадей и будет молиться всем богам, каких знает, чтобы Теламон и его люди кинулись ловить коней или хотя бы отвлеклись. Только бы успеть схватить кинжал и спуститься в ущелье!

План, конечно, ненадежный: Гилас ведь даже не знает, достанет ли веревка до дна ущелья. А как он может быть уверен, что Теламон оставит клинок в шатре? Вдруг возьмет да и выбежит с ножами? Но идей получше Гиласу в голову не приходит, а медлить нельзя. Когда Теламон и его воины встретятся с остальной частью отряда или вернутся в Лапитос, до кинжала будет никак не добраться.

– Костры должны гореть всю ночь, – приказал Теламон. – Поставьте у меня в шатре жаровню, воткните факелы в землю вокруг всего лагеря и выставьте двух часовых. Пусть дежурят до рассвета.

Воины сразу понурились.

– Но, мой господин, в этих краях бунтовщиков раз-два и обчелся, – возразил один из них. – Вдобавок нам тогда придется собрать еще целую гору хвороста...

– Это не моя забота, – холодно ответил Теламон. – Исполняйте приказ.

– Да, мой господин.

Теламон развернулся и опять скрылся у себя в шатре. Хмурясь и ворча себе под нос, воины нехотя поднялись с земли.

А Гилас поудобнее расположился среди папоротников, дожидаясь темноты.

* * *

Вот сверчки застрекотали медленнее, а Солнце стало клониться к закату. Гилас наблюдал, как тени постепенно заполняли долину. Тучи заволокли небо. То, что надо. Лунный свет сейчас только помешает.

В Горах раздавались раскаты грома. С болью в сердце Гилас подумал о Разбойнице и Пирре. Они сейчас далеко, на юге. Но разделиться – хорошая мысль. Гилас правильно поступил. Идти вместе слишком опасно.

А внизу воины уже тащились обратно в лагерь с большими охапками хвороста. Они устало подбрасывали ветки в огонь и втыкали вокруг лагеря факелы, а потом поволокли в шатер Теламона бронзовую жаровню вместе с большой охапкой ве-

ток. Выполнив всю работу, воины расселись вокруг костра и накнулись на ужин. Из своего укрытия Гилас почуял запах луковой каши.

Уже почти стемнело, когда один из воинов встал, зевнул и не спеша направился к лошадям. Когда воин отвязывал черного коня, тот заржал в знак приветствия, зато гнедой с темной гривой прижал уши и попытался цапнуть мужчину желтыми зубами.

– Стой смирно, гад! – прорычал воин, схватил палку, размахнулся и стукнул коня по голове.

А потом потащил покладистого черного к воде и нетерпеливо топтался рядом, пока тот пил. В вечерней тишине до Гиласа ясно долетало хлюпанье. Конь не спешил и пил большими глотками, радуясь, что его наконец отвели к ручью.

Вернув черного коня на прежнее место, воин вскинул палку и осторожно приблизился к гнедому. При виде палки тот опять пригнул уши и закатил глаза, а стоило воину нагнуться, чтобы отвязать коня, как тот хватил его зубами за бедро.

Взревев от ярости, воин ударил лошадь по глазам. Конь пронзительно заржал и взвился на дыбы.

– Ну и оставайся без воды! – прокричал мужчина и под хохот и насмешки других воинов сердито направился обратно к костру.

Тщетно гнедой конь рвался с привязи, с тоской глядя на родник. Но вода далеко. Должно быть, слушать журчание ручья для него пытка.

Костлявый нос и испещренные шрамами бока коня вдруг показались Гиласу знакомыми. «Это же Свирепый! – вдруг сообразил мальчик. – Да, я тебя помню, это я тебя так называл. А черный – Дымок».

Два лета назад обе лошади принадлежали отцу Теламона, Тестору, Верховному Вождю Ликонии. Теламон без разрешения «одолжил» и коней, и колесницу и кинулся на выручку Гиласу. Теламон помог ему бежать. В те времена они были не разлей вода.

На секунду Гиласу взгрустнулось. А ведь они с Теламонем были лучшими друзьями. Теламон потихоньку убегал из крепости отца в Лапитосе, чтобы вместе с Гиласом и Исси бродить по склонам пика Ликас, воровать мед из пчелиных ульев и попадать в разные передряги. Втроем они построили свой первый плот и научились плавать. Однажды Теламон спас Гиласа от разъяренного быка, а в другой раз Гилас вытащил Теламона из пещеры потревоженной львицы.

А сейчас кажется, будто этого всего и не было. В голове не укладывается – Тестор годами сохранял в Ликонии мир, держась в стороне от своих родичей из Дома Короносов, а теперь вождь погиб в битве, а его сын Теламон стал жестоким, спесивым, кровожадным молодым воином! Как же так вышло?

Наступила ночь. Над головой то и дело мелькали летучие мыши. Гилас изо всех сил боролся со сном.

Лошади внизу опустили головы и задремали. Двое часо-

вых стояли возле костров, опершись на копья. Остальные воины завернулись в плащи и уснули.

Раб Теламона спал на земле у входа в шатер. Красные стены сияли в темноте, подсвеченные изнутри огнем жаровни. Гилас различил внутри силуэт Теламона. Тот мерил шагами шатер. Теламон то и дело подносил к губам чашу и часто останавливался, чтобы взять стоявший на земле кувшин и снова ее наполнить. А еще Теламон время от времени тербил что-то, висевшее у него на запястье. Должно быть, личную печать. В детстве Теламон часто ее крутил, когда волновался.

Выходит, ему и сейчас тревожно? Он же разгромил бунтовщиков. Неужели Теламон все равно боится нападения? Значит, поэтому велел своим людям разбить шатер на краю обрыва? Чтобы враг не подобрался к нему сзади? А зачем Теламон приказал зажечь вокруг лагеря факелы и поставить в шатре жаровню в такую теплую погоду?

Уже за полночь, а Теламон все слоняется туда-сюда! Ноги у Гиласа онемели, мышцы сводит. А глаза закрываются сами собой.

Наконец темная фигура в шатре остановилась. Теламон опустился на колени и достал из-за пояса какой-то предмет. Кинжал? Потом Теламон открыл что-то наподобие ларца, положил этот предмет внутрь и осторожно опустил крышку. Тут сон у Гиласа как рукой сняло. Он вспомнил узкий ларец из гладко отполированного дерева, в котором Вороны хра-

нили кинжал на Талакрее.

А воины у родника крепко спали, да и часовые задремали на посту. Лагерь Воронов погрузился во тьму, только то здесь, то там подрагивали огни факелов.

И вот Теламон улегся на землю. Он долго вертелся с боку на бок, но наконец замер неподвижно.

Гилас стал бесшумно спускаться по склону. Первым делом он привяжет к дереву веревку, чтобы быстро сбежать, а потом напугает коней.

Мальчик зашел с подветренной стороны, чтобы не разбудить лошадей раньше времени. Отыскав разобранную колесницу, Гилас спрятал среди ее частей бурдюк с водой и мешок со съестными припасами, которые ему дали проводники, перед тем как вернуться обратно на болота. Гилас набросил на плечо их прощальный подарок – моток прочной веревки из рыбьей кожи.

На берегу родника один воин забормотал во сне. Гилас пригнулся и спрятался за колесами колесницы. Не просыпаясь, воин что-то проворчал и перевернулся на другой бок. Часовых его бормотание не разбудило, а из шатра Теламона не доносилось ни звука – спящий лишь изредка всхрапывал.

Крадучись Гилас зашел за шатер и приблизился к сосне на краю обрыва. Ее окружали колючие кусты ракитника. Продравшись через них, Гилас обмотал один конец веревки вокруг ствола дерева, потом осторожно размотал ее и спустил в ущелье.

И вдруг тишину разорвал крик, исполненный ужаса. Гилас торопливо юркнул в заросли ракитника.

Кричал Теламон. Раздался топот ног: к шатру кинулись воины.

– Что случилось, мой господин?

А раб робко произнес:

– Господин...

– А ну, живо возвращайтесь на свои места! – донесся из шатра приказ Теламона.

Гилас прятался совсем рядом, и голос бывшего друга прозвучал пугающе близко.

– Да, мой господин, – тихо ответил раб.

Боясь дышать, Гилас слушал, как шаги воинов удаляются, а раб снова устраивается на земле перед шатром. Бормоча что-то себе под нос, Теламон подбросил в жаровню хвороста и опять растянулся на земле.

Наконец в лагере воцарилась тишина.

Гилас высунул голову из кустов. Да, ни звука.

Он уже хотел вылезти, как вдруг с другой стороны шатра раздалась шаги. Они приближались. Гилас застыл. Шаги стихли. Похоже, неизвестный остановился всего в нескольких шагах от того места, где прятался Гилас.

– Нет, так больше продолжаться не может! – произнес голос Теламона. – Не может!

– Так не годится, – бормотал Теламон. – Ты должен быть сильным...

Голос бывшего друга звучал то громче, то тише: он ходил

туда-сюда по краю обрыва. Вот Теламон встал прямо возле куста, где прятался Гилас. Мальчик затаил дыхание. Теперь его жизнь зависит от нескольких веток колючего ракитника. Главное – сидеть тихо, как мышь.

Но Теламон по сторонам не смотрел.

– Ты не виноват, – твердил он себе. – Ты ничего не сделал!

В темноте трудно разглядеть лицо Теламона как следует, и все же Гилас заметил, что лоб бывшего друга блестит от пота, а под глазами появились темные круги.

Кто-то заполз Гиласу на ногу. Паук? Скорпион? Мальчик постарался не вздрогнуть.

– Ты ни в чем не виноват, – повторил Теламон, продолжая мерить шагами край обрыва и крутить печать.

Всего лишь паук. У Гиласа гора с плеч свалилась.

Когда Теламон в следующий раз подошел близко, Гилас заметил, что он теребит вовсе не печать, а кольцо на указательном пальце – широкий ободок тусклого серого металла. Теламон снова и снова вдавливал его в палец. Однажды Гилас видел такое кольцо на руке Короноса. Оно из железа. Об этом металле Гиласу рассказывал Акастос, загадочный странник: за прошедшие годы их с Гиласом пути пересекались несколько раз. На Талакрее мальчик помогал Акастосу в кузнице.

«Железо – самый редкий металл, оно падает со звезд, – рассказывал Акастос. – Его можно использовать, чтобы отогнать Злобных, но лишь ненадолго: против Них ничто надол-

го не помогает».

Гилас удивился: зачем Теламону носить железное кольцо? Ведь Вороны поклоняются Злобным!

– Ты не виноват, – в третий раз сказал себе Теламон.

Но он и сам понимает, что вина лежит на нем. Три Луны назад в Египте он обрек на смерть собственную родственницу. Гиласу никогда не забыть криков Алекто. Несчастливая цеплялась за тонущую лодку, а крокодилы окружили ее, будто лучи зловещей зеленой звезды.

Теламон мог спасти тетю, но решил этого не делать. Так вот отчего ему не спится! Теламон живет в страхе перед Злобными, ужасными духами мщения, которые преследуют людей, проливших родную кровь.

Вдруг виски Гиласа пронзила такая сильная боль, что он едва не закричал. Перед глазами заплескали огни. Гиласа затошнило, и мальчик прижал ладонь ко рту.

Вот тошнота прошла, но стоило Гиласу поднять глаза, как от страха у него едва не остановилось сердце. По коже побежали мурашки. Даже волоски на руках встали дыбом.

Теламон все бормотал, глядел на кольцо и крутил его из стороны в сторону, а перед ним в воздухе над ущельем висел призрак его отца.

Фигура подрагивала, будто Гилас смотрел на нее сквозь покрытую рябью воду, и все же мальчик сразу узнал Тестора. Гилас видел Верховного Вождя всего один раз, но этот момент ему хорошо запомнился, потому что тогда мальчик

впервые встретил Теламона. Это был холодный зимний день. Гилас спасал Исси от деревенских мальчишек, а Теламон и его отец возвращались с охоты и остановились посмотреть...

Сомнений нет – перед Гиласом дух Тестора, но вождь выглядит совсем не так, как при жизни. Теперь его вид повергает в ужас: половина тела превратилась в страшное месиво из черной крови и искаленной плоти, а крупные мужественные черты искажает гримаса отчаяния.

Должно быть, Теламон что-то почувствовал. Он вскинул голову и шепотом спросил:

– Кто здесь?

Бывший друг вглядывался в темноту, но призрака не увидел.

Дух Тестора не сводил с сына пылающего взора – похоже, хотел сказать ему что-то очень важное.

– Кто здесь? – прошипел Теламон.

Взгляд призрака не дрогнул, но на изможденном лице ясно отразился стыд. Тестор медленно покачал головой. Потом вскинул руку и указал на небо. Просто кошмар: Теламон смотрит прямо на дух отца, но не может его разглядеть.

И снова призрак покачал искаленной головой. Потом отвернулся и медленно захромал прочь над пропастью.

– Ты звал меня, мой господин? – вдруг послышался шепот.

Гилас чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Теламон тоже вздрогнул и обернулся.

Его раб испуганно выглядывал из-за шатра. К счастью для Гиласа, он подошел с другой стороны.

Дрожащей рукой Теламон стер пот с лица.

– Чего тебе надо? – хрипло спросил он.

– Мой господин, ты нездоров! Я принесу тебе еще вина, или... осталось немного макового сока...

– Маковый сок, – пробормотал Теламон. – Да... Я просто устал, вот и все. Мне надо выспаться.

Вот Теламон вместе с рабом скрылись в шатре. Гилас облегченно вздохнул. Его мутило, а голова болезненно пульсировала.

А во тьме над ущельем призрак Тестора постепенно скрывался из вида, хромая прочь по воздуху.

* * *

Над ущельем раздался крик совы. Сосна скрипела на ночном ветру. А Гилас все сидел в кустах, дожидаясь, когда Теламон и его раб уснут.

Наконец стало тихо, и Гилас осмелился выбраться из кустов. Он постарался выкинуть из головы все мысли о духе Тестора: нужно привести план в исполнение. Сначала Гилас напугает лошадей, а потом ему останется лишь уповать на удачу: только бы в суматохе ему удалось украсть кинжал и сбежать!

До рассвета осталось недолго, но лагерь все еще окутыва-

ет тьма, если не считать огней факелов, воткнутых в землю через равные промежутки. Стараясь держаться тени, Гилас достал из-за колесницы бурдюк и мешок, затем подкрался к ближайшему факелу и выдернул его из земли.

Лошади спали, но стоило Гиласу подобраться к ним сзади, как черный конь, Дымок, почуял огонь, вздрогнул и проснулся. Свирепый уже вовсю фыркал и закатывал глаза, но, похоже, ему хотелось не убежать, а как следует куснуть Гиласа.

Гилас распутал узлы на веревках и сунул факел прямо под нос лошадям, размахивая руками и угрожающе шипя.

План сработал. Перепуганный Дымок пронзительно заржал, Свирепый встал на дыбы, а потом оба с грохотом копыт понеслись через лагерь. Все сразу проснулись: часовые кричали, воины сонно нащупывали оружие, а Теламон и его раб выскочили из шатра. Все кинулись в погоню за конями: те во весь опор неслись по тропе, ведущей в соседнюю долину.

– За ними! – вопил Теламон. – И не возвращаться, пока мы их не поймаем! Любого, кто ослушается, прикажу отходить плетью!

Как только лошади скрылись из вида, Гилас кинулся к шатру.

Внутри – жара и духота, в жаровне сверкают красные угли, но вот он, деревянный ларец, наполовину прикрытый черным плащом Теламона: выбегая, тот второпях отбросил его в сторону. Гилас откинул крышку и схватил кинжал.

Но не тот самый. Перед ним обычное оружие, а не кинжал Короносов. У Гиласа в руках дешевый медный нож!

И вдруг мальчик почувствовал на себе чей-то взгляд. Гилас отскочил в сторону, и копье Теламона воткнулось в землю в том месте, где он сидел на корточках лишь секунду назад. Теламон устроил ловушку, и Гиласа угораздило в нее попасться.

— Откуда ты знал, что я здесь? — пропыхтел Гилас, поднявшись на ноги и встав так, чтобы их с Теламоном разделяла жаровня.

— Я не знал, просто догадался, — ответил тот, выдергивая из земли копье.

— Но ты расхаживал с простым ножом, до того как убежали кони, — заметил Гилас, обходя вокруг жаровни и виляя из стороны в сторону. — Тогда ты не мог знать, что я рядом!

Еще один выпад копьем, и снова Гилас уклонился.

— Я не знал, когда ты придешь, — пропыхтел Теламон. — Но предвидел, что рано или поздно ты объявишься. Поэтому с ножом я ходил каждый вечер.

Пока они кружили вокруг жаровни, Гилас лихорадочно думал, что делать. Из оружия у него только собственный нож и простой медный кинжал, зато у Теламона острый бронзовый меч и тяжелое короткое копье с бронзовым наконечником. К тому же Теламон на год старше, и он хорошо обученный воин. И если его люди вернулись вместе с ним, то шатер уже окружен.

А впрочем, Теламон не станет прибегать к помощи воинов: он хочет расправиться с Чужаком сам, чтобы вся слава досталась ему. Наверняка Теламон отправил воинов в погоню за конями и вернулся один.

– Неужто даже на помощь звать не станешь? – поддразнил Гилас, желая убедиться в своей правоте.

Теламон ткнул копьем Гиласу в грудь, но промахнулся и всего лишь оцарапал наконечником запястье противника. И все же боль заставила Гиласа выронить нож.

– Я не нуждаюсь в помощи, – прорычал Теламон, пинком оттолкнув нож подальше от Гиласа.

Теперь его единственное оружие – медный кинжал.

– А настоящий кинжал где? У твоего деда Короноса, в Лапитосе?

Теламон не ответил, но, судя по выражению его лица, Гилас угадал.

– Бедняжка Теламон! – издевательски усмехнулся мальчик. – Дед не доверил тебе семейную реликвию! Коронос всучил фальшивку и сделал из тебя подсадную утку! Хорош герой – у старших на побегушках!

Теламон сделал еще один выпад копьем. Гилас шагнул в сторону, ухватил древко и дернул вверх. Теламон стиснул зубы, но копье не выпустил. Отобрав свое оружие у Гиласа, Теламон замахнулся на него мечом. Хотел попасть в грудь, но опять промазал: острие задело предплечье Гиласа. Мальчик вскрикнул и выпустил медный кинжал. Теламон отбро-

сил его в сторону копьем и пошел в наступление. Гиласу пришлось опять укрыться за жаровней.

Безоружный, мальчик схватил горящую головню и стал оглядывать свою часть шатра: что еще можно пустить в ход? Кувшин с вином, бронзовый скребок, сосуд с маслом (надо думать, раб Теламона использовал его, чтобы очистить руки и ноги хозяина от дорожной пыли) и щит высотой в человеческий рост из толстой воловьей шкуры. Но щит слишком тяжелый, Гиласу такой не поднять.

Теламон еще раз неловко ткнул в Гиласа копьем, тот увильнул, а Теламон споткнулся и едва не упал. Запыхавшийся Гилас издал смешок.

– Да ты, как я посмотрю, на ногах еле держишься! Что с тобой? Вино и маковый сок в голову ударили?

– Ничего, я тебя и так одолею, – злобно выпалил Теламон. – Когда-то я поклялся, что убью тебя и брошу твоё сердце на съедение псам...

– Надеешься умиловить Злобных, чтобы они оставили тебя в покое? – поддел его Гилас.

Теламон опешил.

– Ты ведь поэтому носишь железное кольцо? Злобные преследуют тебя из-за того, что ты совершил в Египте...

– Ничего я не совершал! – выкрикнул Теламон. – Просто так вышло! Воля богов! Алекто упала за борт...

– Эту байку ты рассказал Фараксу и Короносу? Но мы с тобой оба знаем, что ты лжешь! Я был там и все видел! Ты

мог спасти Алекто, но бросил ее на съедение крокодилам! Злобных не обманешь, Теламон. И предков тоже. Твоему отцу известно о твоём преступлении!

Теламон покачнулся и застыл.

– Я видел его призрак, – переводя дух, продолжил Гилас. – Он витал прямо перед тобой, пока ты бродил туда-сюда по краю обрыва!

– Врешь, – произнес Теламон, едва шевеля губами.

Однако слова Гиласа заставили его прирасти к месту и опустить оружие.

– Ему за тебя стыдно, Теламон. Он смотрел на тебя и качал головой. А потом отвернулся и пошел прочь...

– Ты все это выдумал! – вскричал Теламон.

Тут издалека до Гиласа донесся топот бегущих ног: воины возвращаются!

– Тогда откуда я знаю, что у него на запястье не было печати? – возразил Гилас, отчаянно стараясь выиграть время и придумать, как сбежать. – Половина его тела вся в страшных кровавых ранах, а печать исчезла. Ты мне сам однажды говорил, что твой отец никогда с ней не расстанется, он поклялся, что заберет ее с собой в гробницу.

Лицо Теламона посерело.

– Отец потерял печать в бою. Никто об этом не знает. Откуда ты...

– Говорю же – я видел его призрак! Тестор указывал на небо, Теламон! Ему известно, что за тобой охотятся Злоб-

ные! Он знает, какое преступление ты совершил, – и Они тоже знают!

Из груди Теламона вырвался полузадушенный вопль. В тот же момент Гилас замахнулся на него горячей головней, потом обеими руками схватил тяжелый щит и обрушил его Теламону на голову. Оглушенный противник упал на колени. Снаружи слышались крики: еще секунда, и в шатер ворвутся воины. Подняв с земли свой нож и сунув его в ножны, Гилас схватил сосуд, разлил масло по всему шатру и опрокинул жаровню. Забрызганная маслом шерсть вспыхнула мгновенно. Как только внутрь вбежали воины, Гилас пинком опрокинул шест, подпиравший шатер, и вылез с другой стороны.

Пылающая ткань накрыла Воронов, и изнутри донеслись вопли. Но Гилас уже спускался по веревке в ущелье. Над его головой воины кричали и отчаянно пытались выбраться из шатра. А ведь бывший друг Гиласа тоже в этой огненной ловушке. «Он тебе больше не друг, – мрачно напомнил себе Гилас. – Теламон при первой возможности прирезал бы тебя, точно кабана».

Взглянув вверх, Гилас заметил на краю обрыва воина. Тот присел на корточки и стал рубить веревку.

Обдирая ладони и ударяясь о каменную стену, Гилас быстро соскользнул вниз, в заросли терновника. Там он ухватился за молодое деревце. Еще секунда, и воин перерезал веревку. Она упала в ущелье следом за Гиласом. Каким-то чудом

мальчик продолжал цепляться за деревце. Остаток пути он то лез, то падал вниз и наконец приземлился в зарослях папоротника-орляка.

Крики Воронов стихли. Гилас вслепую пробирался в темноте, сжимая в руке уаджет и молясь Покровительнице Зверей, чтобы Она помогла ему найти выход из ущелья и не дала забрести в тупик.

– Мы его не догнали, мой господин! – пропыхтел воин.

– Вижу, – сердито бросил Теламон. – Потрудитесь объяснить почему! Вас девять человек, а он один!

– Э-э-э... нас шестеро, мой господин. Остальные ищут лошадей...

– Почему вы до сих пор не нашли коней?

Воин нервно сглотнул.

– Черного поймали, мой господин. А второй как сквозь землю провалился.

– Тогда пусть ловят второго, иначе им не поздоровится! А вы приведите ко мне Чужака!

Воин убежал, а Теламон продолжил копаться в обугленных остатках шатра. Стоявший на коленях раб искал пропажу вместе с ним. И хозяин, и прислужник перемазались в саже. Теламон сам не заметил, когда с его пальца соскользнуло железное кольцо: то ли когда дрался с Гиласом, то ли когда вылезал из шатра. Но кольцо необходимо отыскать. Страшно представить, что будет, если оно пропадет.

Еще не рассвело, и в пасмурном небе Теламону мерещились огромные извивающиеся тени. Без кольца Теламону нечем защититься от кошмара, который начинается ночью.

Теламон подумал о призраке отца. Ну конечно Гилас врет. Не может быть, чтобы дух Тестора бродил неупокоенный. Надо же такое выдумать – отец стыдится сына, Тестору не нравится, каким он стал...

– Господин...

Раб озадаченно глядел на Теламона.

Тот залился краской. Неужели он сказал это вслух?

– Ищи! – рявкнул Теламон. – Не найдешь кольцо – прикажу тебя высечь!

– Д-да, мой господин.

«Придет же такое в голову – самому рыскать на пепелище!» – одернул себя Теламон и пошел к ручью умываться.

Вожди до такого не опускаются!

После удара щитом голова болезненно пульсировала, а ожоги на голенях причиняли сильнейшую боль – не помогала даже приготовленная рабом мазь из гусиного жира. От избытка вина и макового сока Теламона мутило, да и мысли путались в голове.

В кроне дерева у ручья шевельнулась темная тень.

Теламон вздрогнул и застыл.

Тут налетел еще один порыв ветра и раскачал ветки. Теламон облегченно вздохнул.

– Это ветер, – пробормотал он себе под нос. – Всего лишь ветер.

Поблизости раздалось хлопанье огромных кожистых крыльев. Теламон съежился от страха, представив, как эти кошмарные существа летят к нему.

Снова послышались хлопки, и на этот раз они зазвучали громче. А среди остатков шатра раб встал, встряхнул обгоревший плащ хозяина и принялся его складывать.

– Брось его! – рявкнул Теламон. – Сказано тебе – ищи кольцо, остальное меня не волнует!

Схватив факел, Теламон подбежал к воде и воткнул его в грязь. Присев на корточки, Теламон потер лицо дрожащими пальцами.

– Ты должен взять себя в руки, – прошептал он. – Ты же вождь. Тебе суждено стать величайшим вождем из всех!

Но Теламон и сам понимает – это просто слова. Он то и

дело вспоминает момент, когда в первый раз заподозрил, что его преследуют Злобные.

* * *

Случилось это на пике Ликас, прямо на самой высокой вершине, в Месте Предков. Полночь, новолуние, черные сосны шумят в роще, скрывающей вход в гробницу Дома Короносов.

Давным-давно Предки вырубili в скале эту узкую гробницу. Две Луны назад вход в нее распечатали, чтобы похоронить тело Тестора, и вот теперь Коронос приказал своему внуку Теламону и последнему оставшемуся в живых сыну Фараксу вернуться и помочь ему совершить ритуал, призывающий Злобных: помощь духов нужна, чтобы обрушить на бунтовщиков атаку, которая сокрушит их раз и навсегда.

Жертвоприношение Теламон помнил смутно. Злобных притягивает темнота и запах гари. Ему только запомнилось шипение, когда потушили факелы.

Родные поют, воняет горелым мясом, щеки Теламона покрыты сажей, от которой исходит едкий запах, а во рту стоит металлический вкус крови и вина. И вдруг раздается хлопанье огромных крыльев.

Раньше, когда дед совершал жертвоприношения, Злобные проносились низко над головами собравшихся и скрывались в ночи, но в этот раз они вели себя по-другому. Три гигант-

ские темные тени тяжело опустились на землю меньше чем в десяти шагах от Теламона.

До него долетел отвратительный запах обугленной плоти. На глазах у Теламона тьма сгущалась, и вот перед ним предстали существа с жуткими шеями, смахивающими на змей, и ртами, напоминающими кровавые рваные раны. А скрежет когтей и страшное сопение! Злобные явно принюхивались. Теламон окаменел от страха. Неужели духи ищут в темноте его?

В следующий момент огненно-красные глаза вперились в юного воина. Мысли Теламона испуганно заметались в голове. Неужели Злобным известно о его поступке?

Злобные возникли из Хаоса раньше богов; эти духи преследуют людей, проливших родную кровь. Они никогда не сдаются, остановить Их невозможно. Злобных можно на некоторое время отогнать, если жевать листья крушины или произносить древнее заклятие. Еще один способ – выдать себя за другого и покинуть родину. Но рано или поздно Они все равно тебя выследят и доведут до безумия, испепелив твой дух.

Наконец Теламон заставил себя отвести взгляд от этих страшных глаз. Неверными шагами он поспешил к Фараксу. Едва не задыхаясь от ужаса, Теламон вцепился в дядино предплечье.

– Они пришли за мной! – прохрипел он.

Фаракс невозмутимо стряхнул руку племянника.

– Будь мужчиной, – холодно произнес он без малейшей интонации. – Или ты темноты боишься?

Когда Теламон оглянулся, жуткие извивающиеся тени исчезли, а вскоре ритуал подошел к концу, и все спустились по тропе в Лапитос. Но жизнь Теламона перевернулась с ног на голову. В его сердце укоренилось страшное подозрение: что, если духи мщения охотятся за ним?

* * *

С тех пор Теламон не может ни есть, ни спать – только если напьется вина или макового сока. Он боится кошмарных видений, являющихся ему во сне.

А теперь к нему вдобавок приходил призрак отца. В глубине души он понимает, что Гилас не врет. Дух Тестора подтвердил подозрения Теламона. Злобные знают о его поступке. Знают, что он отвернулся от родной тети в минуту опасности, бросил на съедение крокодилам и в воде от нее осталась лишь кровавая пена. И вот теперь Злобные ему мстят.

Заухала сова. Теламон оскалил зубы в свирепой гримасе. Он сунул грязные руки в холодную воду, и это подействовало на него отвращающе. Глядя, как поток смывает сажу и уносит ее течением вниз по склону холма, Теламон немного пришел в себя.

Вокруг мир и покой. В ночном воздухе витает острый аромат мяты. Листья папоротников холодят лодыжки. Где-то

поет соловей.

Вдруг Теламону на глаза навернулись слезы. Он с трудом их сдержал. Когда Теламон был мальчишкой, за окном его покоев в Лапитосе тоже пели соловьи – порой они не давали ему спать по ночам. В те времена Теламон знать не знал, что у него есть дед Коронос или что Коронос – Верховный Вождь Микен, далекой северной земли. Теламон и Гилас дружили, а отец был жив.

Теламон принялся сердито тереть руки, смывая остатки сажи. Сполоснул лицо, потом сунул голову в ручей и стал выжимать длинные воинские косы. Сложив ладони ковшом, Теламон набрал воды и выпил. Она оказалась такой холодной, что зубы свело. Зато в голове сразу прояснилось.

– Нашел, мой господин!

С этими словами раб подбежал к Теламону и вложил ему в руку железное кольцо.

Теламон надел его на палец и сжал кулак. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Сил и уверенности заметно прибавилось.

– Хорошо. Очень хорошо.

Раб побежал обратно к сгоревшему шатру: будет искать, что еще из хозяйских вещей уцелело.

– Хорошо, – повторил Теламон, глядя рабу вслед.

Зачерпнул еще воды и выпил. Потом встал и расправил плечи.

– Ты вождь, – сказал он себе вслух. – В твоих руках власть.

Не твоя вина, что Алекто погибла. Ты ее не убивал, ее сожрали крокодилы. Такова воля богов, и Злобные это понимают. Алекто умерла, чтобы ты смог вернуть кинжал и стать спасителем своего клана.

С новой решимостью Теламон шагал взад-вперед под каштанами. Страх испарился, на его место пришли уверенность и целеустремленность. Бессонные ночи в прошлом. На рассвете Теламон соберет своих людей и отправится за Гиласом в погоню. Эти воины выросли на склонах Мессении: Чужаку от них не спрятаться.

А покончив с Гиласом, Теламон присоединится к остальной части своего отряда. Он прикажет Иларкосу вести воинов через Горы в Ликонию и поможет Фараксу одолеть оставшихся бунтовщиков, ну а потом Теламон нарушит приказ деда и самовольно отправится обратно в Лапитос. И больше никто не сможет им распоряжаться! Теламон бросит Корону вызов и заберет кинжал себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.